

Внимания Дань Цюшуй, распределенного с филигранной точностью, едва хватало на всё сразу: половина его сознания пребывала в глубокой медитации, одна часть следила за эльфами, собиравшими лекарственные травы неподалеку, а оставшиеся четыре были полностью сосредоточены на детях.

Поэтому, стоило Сириэлю и Лизи попасть в беду, он мгновенно это почувствовал. Воздух в лесу едва заметно дрогнул, и в следующую секунду Шицзунь исчез, чтобы тут же появиться в самой чаще.

Дети и не подозревали, что гнездовье зеленых павлинов защищено охранными чарами. Стоило птице пасть от стрелы, как лес пробудился, обрушив на незваных гостей ответный удар. В мгновение ока небо застлало извивающиеся лозы, хлещущие наотмашь, а из-под слоя палой листвы на земле то и дело вырывались изумрудные вспышки. Любого, кого задевал этот свет, сковывала магия окаменения, превращая в легкую добычу для цепких лиан.

Лизи, маленькая эльфийская принцесса, всегда росла под крылом своего народа и никогда не знала истинной опасности. Столкнувшись с яростью леса, она впала в ступор. Хватило пары мгновений, чтобы древесные путы захлестнули ее лодыжки и вздернули в воздух. Лес огласился ее отчаянным плачем.

Сириэль же повел себя иначе. Его первой мыслью была не собственная безопасность, а те самые павлиньи перья. Магию он еще не освоил, но Дань Цюшуй уже успел обучить его основам движения и телесных техник. Не раздумывая, мальчик бросился на землю. Перекатываясь в пыли и ловко уворачиваясь от магических лучей, он подхватил тушку убитого павлина и, не прекращая маневрировать между хлещущими ветвями, принялся лихорадочно выдирать перья, пряча их в свой серебряный браслет.

Этот браслет, скрывающий в себе небольшое пространство, Шицзунь подарил ему в качестве игрушки, чтобы Питер мог хранить там свои нехитрые сокровища.

Сириэль вертелся ужом, его волосы забились сухими листьями, а некогда чистая и опрятная одежда, в которую его бережно облачил наставник, превратилась в жалкое зрелище, покрытое грязью и пятнами травы.

Но как бы ни был он одарен и ловок, Сириэль оставался лишь ребенком без должной подготовки. Вскоре удача изменила ему. Огромная лоза толщиной в мужское запястье, усеянная колючими темно-зелеными шипами, метнулась к нему, словно змея. Мальчик в ужасе замер, глядя на нее. Если бы эти шипы вонзились в него, они сорвали бы кожу вместе с плотью.

В самый критический миг Дань Цюшуй оказался рядом. Лазурная вспышка его магии ударила в нападающую лозу, и в то же мгновение Сириэль почувствовал, как наставник подхватывает его сильными руками, укрывая от опасности.

Мальчик увидел, что лоза мгновенно обросла ледяной коркой и застыла в воздухе, исходя

морозным паром. Сириэль вцепился в магическую мантию Дань Цюшуя, наблюдая, как тот несколькими выверенными жестами заставляет беснующийся лес отступить. Плетки послушно втянулись обратно в чашу, а сияние магического круга на земле погасло.

Лишь убедившись, что всё кончено, Шицзунь опустил Сириэля на землю. Он перерезал путы, удерживавшие Лизи, и бережно спустил рыдающую девочку вниз, чей нос уже покраснел от слез.

— Шицзунь... — робко позвал Сириэль.

Дань Цюшуй тут же повернулся к нему. Он присел, чтобы оказаться с ним на одном уровне, и осторожно коснулся ладонью лица мальчика. В его тихом голосе звучала неподдельная тревога:

— Питер, ты не ранен?

Сириэль тут же обвил руками шею наставника, пряча лицо. Выглядел он сейчас как до смерти напуганный, несчастный ребенок, и сердце Дань Цюшуя дрогнуло. Он подхватил его на руки, прижимая к себе, а вторую руку протянул Лизи. Девочка, всхлипывая, доверчиво вложила свою крошечную ладошку в его руку.

Они уже собирались покинуть лес, когда на шум явились королева эльфов и госпожа Марлин. Увидев мать, Лизи инстинктивно попыталась спрятаться за спину Дань Цюшуя.

Лицо королевы эльфов было застывшей маской, не выражавшей ничего, кроме холодного властного гнева.

— Лизи, подойди сюда, — велела она.

Малышка, в которой теперь читались не только обида, но и явный страх перед суровой матерью, медленно двинулась навстречу. Не успела она сделать и пары шагов, как последовал новый вопрос:

— Где твой лук?

Сердце девочки ушло в пятки. Лучник никогда, ни при каких обстоятельствах не должен бросать свое оружие. Она лихорадочно огляделась и вскоре заметила обломки у корней старого дерева. Лук был перебит пополам.

Лизи подняла части своего оружия, ее руки дрожали.

— Мама... — беспомощно прошептала она.

— Подойди немедленно! — отрезала королева.

Девочке ничего не оставалось, как встать рядом с матерью под опеку госпожи Марлин.

Дань Цюшуй, не выпуская Сириэля из рук, встретил взгляд королевы спокойно и с достоинством.

— Ваше Величество.

Лизи смотрела на Сириэля с невольной завистью. Ее мать никогда не обнимала ее так, не утешала и не баюкала на руках. Ей до боли в сердце хотелось, чтобы у нее был такой же добрый и ласковый учитель, как господин Дань Цюшуй.

Страж из свиты королевы поднял из травы тушку мертвого павлина. Взгляд её величества, упавший на застрявшую в птице стрелу, стал еще суровее. Лизи вжала голову в плечи, а Сириэль еще крепче вцепился в одежду Шицзуня.

— Марлин, — распорядилась королева, — уведи принцессу и запри ее под стражу.

Лизи зашлась в плаче:

— Мама, мамочка!

— Идемте, принцесса, — мягко, но настойчиво произнесла госпожа Марлин, уводя ее за собой.

Когда они скрылись, королева эльфов холодно обратилась к Дань Цюшуй:

— Десять дней подходят к концу, человек. Тебе пора покинуть наш лес.

Дань Цюшуй ответил невозмутимо:

— Ваше Величество, не вы ли говорили, что любая вещь, которую я пожелаю получить от эльфов, должна быть предметом равноценного обмена?

— Марлин займется сделкой, если тебе что-то нужно.

— Нет, — мягко возразил он. — Этот вопрос должны решить лично вы. Мне нужна Божественная вода жизни.

Королева в гневе ударила посохом о землю. Лес содрогнулся, деревья затрепетали, а от ее ног

по земле разошлись концентрические круги магического сияния.

— Дерзость!

Сириэль вздрогнул от этого окрика и прошептал: «Шицзунь...» Дань Цюшуй успокаивающе погладил его по спине.

— К чему этот гнев, Ваше Величество? Если я скажу, что способен повысить рождаемость в вашем народе, разве это не стоит одного флакона Божественной воды жизни?

Королева на мгновение смутилась. Этот человек задел самое больное место эльфийского народа. Признать сделку означало обнажить их величайшую слабость. Но если отказать... За последние сто лет Древо Жизни дало жизнь лишь девятнадцати эльфам, и Лизи была единственным чистокровным ребенком среди них — случай, не имеющий прецедентов в истории.

Если так пойдет и дальше, эльфы просто исчезнут.

Дань Цюшуй стоял перед ней, спокойный и непостижимый, как глубокое озеро, и королева почувствовала, как инициатива ускользает из ее рук.

— Человек, — выдавила она, — как я могу тебе верить?

Он ответил ей мягкой, обезоруживающе искренней улыбкой:

— Это решать только вам, Ваше Величество.

Королева приняла решение. Она призвала верховную жрицу, чтобы та закрепила клятву между ней и Дань Цюшуйем. Наставник обязался помочь эльфам восстановить их численность, а королева — передать ему Божественную воду жизни в качестве награды. Смерть должна была покарать того, кто нарушит этот уговор.

Так сделка была заключена, и Дань Цюшуй с Сириэлем остались в лесу.

Лизи была наказана, а Сириэль последовал за Шицзунем в их покои в боковом павильоне. Вечером мальчик отыскал изящную шкатулку и принялся аккуратно раскладывать в ней те самые темно-изумрудные перья.

— Шицзунь, Шицзунь! У меня есть для тебя подарок! — Сириэль подбежал к наставнику.

Дань Цюшуй отложил перо. На пергаменте перед ним был начертан невероятно сложный узор

— не то магический круг, не то древняя схема, полная непостижимых линий, которые Сириэль не смог бы разгадать, даже если бы смотрел на них вечность.

— О, и что же это? — Шицзунь с ласковой улыбкой принял подарок. Когда дети искренне привязаны к взрослым, даже обычный голыш, поднятый у дороги, становится для них драгоценностью.

Дань Цюшуй открыл шкатулку. На мягком бархате ровными рядами лежали павлиньи перья. Сириэль обхватил его колени и с гордостью посмотрел на него:

— Шицзунь, это тебе. Сделай из них красивую брошь для мантии, как у королевы эльфов.

Глядя на сияющего ребенка, Дань Цюшуй едва слышно вздохнул. Маленький проказник.

— Это ведь ты надоумил Лизи подстрелить павлина, верно?

Сириэль испуганно замер и тут же попытался выкрутиться:

— Нет, это Лизи сама захотела его поймать. А я просто увидел, какие красивые перья... и решил, что они подойдут Шицзуню, вот и собрал их.

Дети часто мнят себя великими хитрецами, способными обвести взрослых вокруг пальца, не подозревая, что их «коварные планы» для старших выглядят прозрачными и порой вызывают лишь грустную усмешку.

— Питер, помнишь, я говорил тебе, что джентльмен должен уметь пользоваться своим разумом для достижения целей?

Мальчик быстро закивал. Дань Цюшуй положил руку ему на голову:

— Тогда запомни: джентльмен использует мудрость, но он никогда не опустится до подлых уловок. В использовании хитрости ради недостойного дела нет истинного ума — лишь мелкое лукавство. Знал ли ты, что в лесу эльфов строго запрещено охотиться на зеленых павлинов?

Сириэль поник, не в силах вымолвить ни слова от стыда и обиды. В глубине души он всё еще не считал свой поступок дурным — его жгло лишь то, что Шицзунь его осудил.

Но разве можно было долго сердиться на такого кроху?

Дань Цюшуй мягко поднял Сириэля и усадил к себе на колени.

— Ну-ну, настоящие джентльмены не хнычут. Я принимаю твой подарок, но впредь никогда так не поступай. Ты хоть понимаешь, какой опасности вы сегодня подверглись?

Сириэль кивнул. Теперь он точно знал: в следующий раз он найдет способ сделать подарок получше, не попадаясь при этом в ловушки.

Позже, выкроив свободное время, Дань Цюшуй собственноручно изготовил изящный маленький лук и три стрелы. Он велел Сириэлю передать их Лизи, чтобы восполнить утрату ее сломанного оружия.

Лизи была невинным и простодушным ребенком, и стоило взрослым расспросить ее чуть подробнее, как вся правда об их с Сириэлем затее вышла бы наружу. Неужели королева эльфов этого не понимала? Разумеется, понимала, но из уважения к силе Дань Цюшуя не стала обрушивать свой гнев на его ученика. Подаренный лук стал тихим жестом примирения и платой за того самого зеленого павлина.

Сириэль послушно передал подарок Лизи, хотя и выглядел при этом немного недовольным. Впрочем, сложности взрослого мира и тонкости этикета были тем, во что ребенку пока не стоило вникать.

<http://bllate.org/book/17553/1714019>